

**СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА
ХАКАСОВ КОНЦА XIX — начала XX вв.**

В работах В. К. Хотяновского, Л. П. Потапова, Г. А. Моховой, В. Г. Карцова, К. М. Патачакова и других исследователей освещены многие проблемы социально-экономического развития хакасов¹. В данной статье мы ставим задачу конкретнее раскрыть социальную структуру хакасов конца XIX — начала XX в. на уровне не только основного классового деления, но и социальных слоев и групп на базе комплексного использования исторических, лингвистических и этнографических источников. Кроме данных научной литературы, опубликованных статистических показателей и архивных документов, в работе широко представлен полевой материал, собираемый автором с 1969 г. Нами впервые вводится хакасская терминология для обозначения социальных слоев и групп².

В XVIII и первой половине XIX в. экономическая, социальная структура и административно-правовые институты у народов юга Сибири — бурят, хакасов, алтайцев — отражали своеобразие сложившихся у них феодально-патриархальных отношений с резко выраженной «государственной формой» феодализма. Уравнивая феодальную верхушку у этих народов с сородичами в качестве ясачных людей, царское правительство в то же время отвело им роль чинов низшего звена феодально-административного аппарата. Колониальный гнет паризма, феодальные методы эксплуатации баев, койонов и зайсанов делали особенно тяжелым положение трудового населения.

Общие показатели социальной дифференциации хакасов второй половины XIX в. установлены историками на статистическом материале. По данным 1858 г., как показал В. Г. Карцов, 3,6% хозяйств трех «инородческих» ведомств Минусинского округа владели 54,2% лошадей и коров³. Материалы статистико-экономического обследования 1891 г., использованные Г. А. Моховой, выявили около 1/3 хозяйств бесскотных и малоскотных, причем байская верхушка составляла 3,2% хакасских хозяйств⁴.

Вторжение товарных и капиталистических отношений вносило определенные изменения в социальную структуру. Динамика этих процессов еще не изучена в достаточной мере, а их хронологические рубежи не вполне обоснованы. Существуют различные точки зрения по вопросу о начале разложения феодально-патриархальных связей у хакасов⁶. Но совершенно очевидно, что в самом конце XIX — начале XX в. характерные для феодально-патриархального уклада социальные образования были уже частично деформированы, видоизменены и осложнены новыми социальными слоями и группами, не всегда четко выраженными.

Несмотря на огромные отличия в типе, уровне и степени социально-экономического развития и классовых антагонизмов, Хакасия включалась в общероссийскую общественную систему. Многоукладная социально-экономическая структура хакасов сочетала феодальную эксплуатацию, патриархально-родовые пережитки, мелкотоварный и капиталистический уклады, выступавшие в примитивной форме и сплетавшиеся с феодальным строем.

Патриархально-родовые пережитки долгое время поддерживались административной системой управления. До введения в 1913 г. волостного крестьянского управления русского типа существовало устаревшее деление на административные роды, включавшие в себя по нескольку древних кровнородственных сеоков (сѳѳк — кость).

Хакасы различных родов, проживавшие в одном аале и скрепленные единой экономической жизнью, давно составляли территориальную аальную общину. Такая община по-хакасски называлась «аал-кун» и состояла прежде всего из трудового населения и баев — крупных скотовладельцев-эксплуататоров. Харачы — основная часть хакасского населения. Вероятно, поэтому в языке людей старшего поколения сохраняется выражение «хара пасты — харачы чон» — «черно-головый народ харачы», в переносном смысле обозначающее вообще хакасов.

Население степных районов занималось скотоводством. В лесостепных районах сочеталось скотоводство с земледелием. Население таежных и подтаежных районов соединяло скотоводство с охотничьим промыслом. Среди харачы имелись мастера (кузнецы, плотники, ювелиры и т. д.), но ремесло еще было связано со скотоводством и земледелием. На классовое расслоение хакасского аала указывают данные о найме и отпуске рабочей силы. Комбинационная таблица,

составленная Н. Н. Козьминым по материалам обследования 1909—1910 гг., показывает, что 73,4% безлошадных хозяйств отпускали мужчин на заработки, а 92,3% хозяйств, имеющих более 200 голов лошадей, постоянно нанимали рабочую силу⁶. Таким образом, классовое расслоение хакасского аала проходило в основном на базе скотоводческого хозяйства.

Сложное сплетение патриархально-феодалного и примитивно капиталистического гнета лежало в основе выделения социального слоя «чох-чоосы» — наиболее эксплуатируемой части трудового населения⁷. К ним относились хакасы без скота или хозяйства, имевшие не более 1—2 лошади, 1—9 коров (включая телят) и 30—40 овец. Не располагая прочной экономической базой, чох-чоосы не могли прокормить свою семью.

Согласно данным статистико-экономического обследования 1909—1910 гг., чох-чоосы по владению крупным рогатым скотом составляли 32,8% наличных хозяйств, по содержанию лошадей — 31,7%⁸. Если на 100 душ чох-чоосов приходилось 36 голов лошадей, 292 коровы, то на 100 душ баев — 9130 лошадей, 4592 головы рогатого скота.

Чох-чоосы не были однородной массой и составляли следующие социальные группы:

1. «Хулы» — самая бесправная и беднейшая группа чох-чоосов. Обычно это были обездоленные сироты или не имевшие своего хозяйства люди, закабаленные долгами, иногда наследственными. Хакасская пословица гласила: «Человек, имеющий родственников, подобен баю, человек безродный — подобен хулу». Баи часто брали на воспитание сирот и делали их своими работниками. Хулы находились в разной степени феодальной и кабальной личной зависимости. Среди хулов пользовались некоторой привилегией тазоолы — байские пастухи. Глава тазоолов назывался «мал базы». Но и он был почти таким же бесправным человеком.

По данным обследования 1909—1910 гг., 5,8% всех наличных хозяйств совершенно не были обеспечены крупным рогатым скотом, а 5,5% хозяйств вообще не имели домов и юрт⁹. Об их положении свидетельствует, например, описание хозяйства бедняка Тарчих Коромчакова из Усть-Еси: «Живут в корьевой юрте, кроме которой нет никаких построек... Общая стоимость построек, рабочего инвентаря, мебели, посуды, постели и пр. — 16 р. 45 коп. ...Заработано 25 руб. — за пастьбу овец и коров... Скота нет — есть только 9 кур»¹⁰.

2. «Халтары» — неимущая группа чох-чоосов, нанимавшаяся работать на золотые прииски, соляные разработки, заводы и другие промышленные предприятия. В 1889 г. из 9584 мужчин сагайцев 314 работало на заводах и приисках. А из 3207 качинцев в 1893 г. на золотые прииски уходило до 200 человек. В среднем по двум ведомствам халтары составляли около 4,5% трудоспособного мужского населения.

Обычно весной халтары нанимались временно работать на золотые прииски. Осенью производился расчет. Но быстро растратив свой небольшой заработок, они вынуждены были с осени и до весны наниматься работать на солеваренные заводы. Халтары являлись зачатком хакасского промышленного пролетариата и работали вне сферы аального производства.

3. «Чалчы» — основной отряд чох-чоосов — имели свое небольшое хозяйство, неспособное их прокормить. Они составляли 27% всех наличных хозяйств¹¹. Различные категории «чалчы» находились на положении феодально-зависимых людей и наемных работников, причем в социальной практике эти формы эксплуатации часто сочетались и переплетались и не выступали в своем чистом виде.

Батраки — собственно чалчы — нанимались работать у бая на год или полгода. К ним мы относим хакасов, имеющих от 1 до 3 голов крупного рогатого скота, что, по данным статистико-экономического обследования 1909—1910 гг., составляло 8,6% всех наличных хозяйств.

За свою работу чалчы получали плату деньгами, хозяйское содержание и одежду. В конце XIX в. годово́й работник получал от 30 до 50 рублей, работница от 18 до 30 рублей, а подросткам платили от 10 до 20 рублей¹². Часто вместо денег бай расплачивался тем, что давал коня на зимний убой¹³.

Если чалчы нанимался в пастухи, то хозяин производил расчет за каждый сезон. Существовала специальная такса. За 100 овец пастух получал 3 рубля (пастыба одной овцы оценивалась в 3 копейки) и на пропитание пуд хлеба и ягненка. Однако если чабан допускал урон, то за каждую пропавшую овцу он должен был платить в стократном размере, т. е. по 3 рубля¹⁴.

Сезонный или сроковый работник, нанимавшийся работать на месяц или на время сенокоса, хлебоуборки, окота скота и т. д., именовался «тогысчы». Мужчина-тогысчы в месяц получал 4—5 рублей, а женщина за работу по дому — 3 рубля¹⁵. К тогысчы можно отнести хозяйства, имевшие по 4—

5 голов рогатого скота. Они составляли 6,9% всех наличных дворов ¹⁶.

Кунчи — это поденщик, нанимавшийся работать на определенные дни во время сенокоса, стрижки, изготовления войлока, рубки дров и т. д. Денежная плата взрослому мужчине была летом 40—60 коп., а зимой 10—20 коп., женщине платили 30—50 коп., зимой — от 5 до 8 коп. Во время страды кунчи получали часто оплату натурой. Ему давали ягненка, зерно, соль, молочные продукты и пр. ¹⁷.

Жизнь чох-чооса была полна нужды и лишений. Выражением социального протеста против существовавшего строя являлось уклонение от уплаты албана и кража скота у баев. За это их жестоко наказывали. Бедняков, убежавших от уплаты албана, долгов или из ссылки, называли «хасхы». Некоторые хасхы уходили за Саяны в Туву. Хасхы подчас осознавали связь царского режима с байской эксплуатацией. На это указывает следующий документ: «Сагайский родовой староста 1-й половины Орешков, от 4 сего марта месяца (1884 г. — Б. В.) донес Степной Думе, что в тот день он производил разбирательство по жалобе... Ивана Райкова о краже у него двух лошадей, в краже коих обвинялся... Иван Чиванов, ... вместо прямых ответов на данные вопросы Чиванов произнес: «Я вор, царь вор и чиновники воры» ¹⁸.

В конце XIX — начале XX в. основную массу харачы у хакасов составляли «ортымаки» — середняки, хозяйство которых было основано главным образом на скотоводстве. Ортымаки обычно не держали батраков и жили за счет своего труда. По данным обследования 1909—10 гг., они составляли по владению рогатым скотом 52,2% хозяйств (от 10 до 49 голов). Удельный вес средних хозяйств уменьшается в Кызыльском ведомстве до 30,3% и увеличивается в Аскизском ведомстве до 64,2%. По обеспеченности лошадьми ортымаки по трем ведомствам составляли 59,8% наличных хозяйств (в Кызыльском ведомстве 48,2%, в Аскизском ведомстве 71,8% хозяйств). Сравнительно слабое развитие капиталистических отношений у хакасов объясняет нам, почему у них была довольно многочисленная группа средних хозяйств ¹⁹.

Хозяйства ортымаков не были однородными. В рассматриваемое время среди них наметились две социальных группы. Это «чоданги» — менее зажиточные, порою не имевшие денег для уплаты албана. «Пардамы» — высшая группа, приближавшаяся в небольшой своей части по зажиточности к баям. Если к чодангам отнести хозяйства с 10—24 головами

рупного рогатого скота, то, по данным статистико-экономического обследования 1909—1910 гг., они составляли 1820 дворов, или 60% ортымаков. Тогда остальные, примерно 40%, составят группу пардамов, в хозяйстве которых было от 25 до 49 голов крупного рогатого скота.

Ортымаки, наряду с чох-чоосами, составляли трудовое население харачы, эксплуатируемое как царским правительством, так и своим байством. Налоговой гнет царизма закабаллял простых труженников-харачы и способствовал процессу дальнейшего социального расслоения хакасского аала²⁰. В конце XIX в. с каждой бойцовой души (мужчина 18—50 лет) собирався албан за полугодие по 3 рубля. К 1917 г. он вырос до 9 рублей. При сборе албана материальное положение не учитывалось, поэтому и бай и бедняк вносили одинаковые суммы денег.

Харачы отбывали натуральную повинность, именуемую по-хакасски «халан». В первую очередь это гоньбовая и дорожная повинности. Только на исправление дорог и мостов, а также установку зимою вех по главным трактам уходило около шести дней в году. Кроме того, до реформы 1913 г. глава рода — «чайзан» считал всех родовичей своими подчиненными, поэтому каждый харачы по очереди посылался на полмесяца к своему чайзану для отбывания повинности и работал в его хозяйстве²¹.

Эксплуатация харачы баями осуществлялась часто в замаскированной форме, под видом помощи. Наиболее распространенной формой являлась сдача крупного рогатого скота на удой, называемая по-хакасски «саан»²². Бай раздавали весной по 1—2 дойной коровы нуждающимся харачы. Отдавая им скот, бай произносил: «Отдаю в «саанное» пользование доить и пить». Бедняк, получив в «помощь» корову с теленком, все лето доил и пользовался ее молоком. Но зимой харачы обязан был их прокормить, а весной сдать обратно. За пользование сааном харачы должны были доить байских коров, помогать при сенокосе и т. д. Если отданный в «саанное» пользование скот зимой погибал от недостатка кормов, то харачы обязаны были выплатить или полную его стоимость, или половину. Таким образом, они попадали в «карман», т. е. кабалу к баю, и разорялись.

В суровые снежные годы бай старались раздать овец харачам на прокорм зимой при условии «раздел пополам». За это бедняк весной получал половину приплода себе²³. Но не-

редко харачы свой скот присоединяли к байским стадам и отарам, за что платили им деньгами или отработкой.

Если харачы отправлялся на охоту или промысел кедрового ореха и брал для этого у бая продукты, снаряжение и коня, то последний пользовался половиной его добычи²⁴.

Иногда бедняк временно брал коня под работу (сенокос, пахта и т. д.). В таком случае устная сделка заключалась словами «беру лошадь под пот». За это хараны платили один рубль. Но чаще всего они не имели денег и поэтому отработывали. Сколько дней конь был в работе, столько дней харачы отработывал в хозяйстве бая²⁵.

Среди хакасов широко была распространена форма эксплуатации в виде супруги, называвшейся по-хакасски «арада». Если у харачы не хватало покоса, то он обращался к баю. Бай предоставлял возможность косить один из своих участков на правах «арада», то есть половина скошенного сена (например 50 копен из 100) должна была идти в его пользу. Если бай отдавал зерно под посев, то получал осенью 50% урожая. Так же поступал бай, когда отдавал свою пашню под посев. По праву «арада» бедняк пахал и сеял на его пашне, а урожай делился пополам²⁶.

Одной из самых кабальных форм эксплуатации являлось предоставление товаров в кредит и денег под проценты. За отданные в долг деньги бай взымали от 10% до 25%. Через каждый год проценты наращивались вдвое. Бедняки и многие середняки, как правило, не имели денег и за проценты платили отработкой, называемой «ахча чобаа». Например, за 3 рубля, взятые для уплаты подати, харачы должен был вернуть долг и в качестве «ахча чобаа» накопить 50 копен сена. Иногда ставили условие, чтобы за каждый взятый рубль кредитор в счет процентов отработал по одному дню²⁷.

Эксплуататорским классом хакасского общества являлись бай (пайлар), которые сосредоточивали в своих руках основные средства производства — землю и скот. Верхушка собственно баев не превышала 3,5%. К ней принадлежали самые крупные бай. Так, Чарков Пётр держал несколько тысяч лошадей, около тысячи коров, 1—2 тыс. овец. Его сын Григорий имел хлебный и промышленный магазины, разводил арабских и английских скакунов, держал паром через р. Енисей²⁸. По данным А. А. Ярилова, стоимость общего инвентаря П. Чаркова на 1897 г. достигала 5000, скота — на сумму свыше 20 000 рублей²⁹. Это о нем писал П. Островских: «Его громадный двор с большим русским домом, со многими юртами

и разными надворными постройками, с многочисленной дворней представляет нечто вроде княжеского двора. Здесь вы находите учителя из поселенцев (т. е. уголовно ссыльных), он же письмоводитель и т. д., фельдшера, кузнеца, слесаря и несколько мастеров из коренных сибирских крестьян для более изящных работ (насечки, литья и т. д.). Я не говорю уже о большом количестве пастухов, кожевников, коровниц и т. д.»³⁰.

В конце XIX в. дифференциация проникла и в среду байства. Можно выделить следующие социальные и социально-сословные группы:

1. «Пугдуры» — крупные скотовладельцы, имевшие тысячи голов скота и огромные территории зимних пастбищ, заимок и сенокосных угодий. Работали на них десятки хулов и много различных наемных работников вместе с семьями. Пугдуры занимались крупной торговлей. Они поставляли своих лошадей в армию, перепродавали быков и пушнину купцам из Томска, Красноярска, Иркутска, сбывали продукты животноводства на базарах, ярмарках и приисках. В их руках накопились громадные богатства. Поэтому их иногда называли «чызаан пай», т. е. бай, у которого «гниет богатство».

Среди пугдуров назовем баев: Тугужекова Харатай (3000 лошадей), Азракова Нартас (1000 лошадей, 4000 овец), Сукиных Андрей и Несер (11000 лошадей), Доможакова Манок (2200 лошадей), Чебодаева Хара плек (300 коров, 4000 овец) и др. Пугдуры были феодально-байской верхушкой, втянутой в товарные отношения и применявшие наемный труд. Если мы сравним хозяйства трудовых харачы и пугдуров, то получится, что на 100 душ харачы приходилось 3343 голов всякого скота против 18048 голов у пугдуров³¹.

2. «Тёнгисы» — древняя родовая знать. В их хозяйство применялся труд потомственных должников — хулов и других работников. Тёнгисы кичились родовым происхождением. Они являлись среднезажиточными баями, в рассматриваемое время по своему богатству стояли ниже пугдуров.

Среди хакасов были широко известны тёнгисы Крис Батанакв, Оолах Кабельков, Паган Кобежиков, Апун Картин и другие. В середине XIX в. тёнгис Чирка Картин имел 12 тыс. лошадей, до 5 тыс. крупного рогатого скота, 12—15 тыс. овец, 30 десятин запашки. Отец его был поставщиком лошадей и скота на прииски и скопил до 30 тыс. рублей серебром. «Дом окружен юртами, в которых живут его работники. Их у него с пастухами до 250-ти»³². Внук Чирки — Апун, похваляясь

своим богатством, говорил: «Прежде чем кончится капитал Картиных, раньше переведется песок в р. Абакан». Однако Апун промотал состояние предков.

Обанкротившийся бай назывался «упавший бай». Но он сохранял право на наследственные покосы, которые мог сдавать в аренду. Хакасская пословица говорит: «Даже если высохнет, то сохраняется имя озера, даже если обеднеет, то сохраняется имя бая».

3. «Кистемы» — мелкие бай, выходцы из зажиточной группы пардамов. Состояние свое они строили в основном за счет перепродажи скота, поставки сена, продажи товаров в кредит, прибыли от мельниц, извоза и т. д. Среди них встречались ростовщики, ссужавшие беднякам деньги под проценты. Это был нарождавшийся новый социальный слой сельскохозяйственной буржуазии, хотя в элементах новые капиталистические отношения проникали и в практику хозяйствования первых двух групп байства.

Бай брали жен только из своей среды и за харачы никогда не отдавали своих дочерей. Харачы при входе в байскую юрту должны были стоять у порога. Проходить внутрь им не разрешалось.

Бай таврили свой скот ыменной тамгой, отделяя свой скот от общины. Для того чтобы больше получить покосов, они раньше времени (до 18 лет) вводили в списки платёжных душ своих сыновей. Самые лучшие сенокосные угодья принадлежали баям. Зимой байский скот находился в отрогах гор (Сахсар, Сар, Сарой и др.) на заимках, где можно было всегда укрыть скот от ветра и где мало снега. Харачы не смели там держать свой скот. Они пасли его в степи (Койбальская степь, Уйбатская и др.). Там во время бурана было негде укрыться.

Из среды баев выбирались башлыки — административно-должностные начальники хакасских ведомств. Они были освобождены от уплаты налогов и в соответствии со служебным положением занимали определенное место в сословной иерархии. Это были «пиги», представленные в думе родоначальником, в управе головой. «Пигам» подчинялись «чайзаны». В официальных документах управ они значились «родовыми старостами», а при волостном управлении — сельскими старостами. Сбор албана и исполнение полицейских обязанностей возлагались на «чазоолов», помощников «чайзанов».

В системе управления хакасов существовала должность «аал базы» — глава аала, не предусмотренная Уставом 1822 г. Обычно это был крупный бай, именем которого и назывался весь аал.

Вершителями всех дел на сходах являлись бай. «Богатые избирают друг друга сами, бедный инородец волей неволей соглашается, если же начнет излагать свое по какому-либо случаю несогласие или мнение, то подвергается как грубиян наказанию и нередко заключению в пример прочим в ката-лажку»³³.

К эксплуататорскому классу следует отнести и часть особой социально-сословной группы — камов (шаманов), служителей культа, часто живших только за счет своих доходов от камлания. Шаманы составляли следующую иерархическую лестницу:

1. «Пугдуры» — высшие представители шаманов. Они носили особый костюм (с когтями и крыльями беркута, металлическими кругами-глазами на спине и т. д.), имели до 9 бубнов. Некоторые из них становились крупными баями и держали собственных батраков (Коче Арыштаева, Ефим Саржаков и др.).

2. «Пулгосы» — средние камы, также прошедшие обучение и посвящение в разряд шаманов. Они подчинялись пугдурам, одевали простой шаманский наряд и имели всего один бубен. Жили они за счет своего хозяйства и подрабатывали камланием.

3. «Чаланчики» — не посвященные в «учение» мелкие шаманы. Они не имели специального костюма и бубна. Для камлания употребляли платок, одежду, ветку березы, баранью лопатку и т. д.

Заработок кама по-хакасски называется «асты»³⁴. В качестве асты он получал деньги, корову или лошадь (овец не положено давать). За освящение домашнего очага каждый год весной и осенью камам давали по одному рублю деньгами. При любом камлании шаману полагался подарок — задняя часть жертвенного барашка вместе со шкурой или одна четвертая часть туши крупного животного. Перед камланием шаману дарили 10 аршин материи, которую не давали в руки, а обвязывали вокруг его одежды. Если больной выздоравливал, то нужно было сделать благодарственный подарок (вино, рубашку, шелковую материю или скот). В среднем в год на шамана уходило три рубля, то есть стоимость полугодового албана³⁵.

Поборы шаманов содействовали обнищанию рядовых скотоводов, а их средневековая идеология тормозила распространению прогрессивных идей. Камы являлись паразитическим элементом хакасского общества. Согласно данным А. Н. Гладышевского, накануне 1917 г. только в одном Аскизском районе насчитывалось 84 бая, 376 шаманов и 15 попов³⁶.

В конце XIX — начале XX в. начала формироваться новая общественная группа «ах холлар» — «белые руки». Ах холларов можно отнести к зачаткам хакасской интеллигенции. Сюда входили письмоводители, учителя, приказчики, переводчики, оспопрививатели и т. д. Многие из ах холларов после Великой Октябрьской революции приняли активное участие в культурном строительстве Хакасии³⁷.

Таким образом, социально-классовая структура хакасов конца XIX — начала XX в. отразила сложное переплетение разлагавшихся феодальных отношений и общинно-родовых пережитков с развивающимися капиталистическими отношениями. Втягивание Хакасии в систему общероссийского рынка, проникновение русского капитала в аал углубляло классовое расслоение. Особенно показательно выделение среди байства кистемов — нарождающегося слоя сельскохозяйственной буржуазии, а среди бедноты ростков хакасского пролетариата — халтаров. В конце XIX — начале XX в. расширилась база для классовой борьбы и национально-освободительного движения у хакасов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хотяновский В. К. Из прошлого Хакасии. Новосибирск, 1934, т. 42—46; Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, с. 157—167; Мохова Г. А. Социально-экономический очерк истории Хакасии (вторая половина XIX века). Абакан, 1958, с. 60—82; Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.). Абакан, 1970, с. 66—68, 154—169; Патачаков К. М. Культура и быт хакасов (XVIII—XIX вв.). Абакан, 1958, с. 43—52; Он же. Классовое расслоение в хакасском улусе (II половина XIX века). — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), вып. XIX. Абакан, 1974, с. 107—119.

² До сих пор социально-экономическая терминология применительно к хакасам не была разработана. Дореволюционные источники на русском языке отражают только некоторые названия должностных лиц (башлык, чазоол, аалбазы).

Отложившиеся в языке термины обозначали конкретные формы социально-экономических отношений. Наличие их у хакасов является ярким показателем далеко зашедшей имущественной и социальной дифференци-

ации В настоящее время эти термины стали в хакасском языке архаизмами, отдельные претерпели изменения в своем значении.

³ Карцов В. Г. Указ. соч., с. 154.

⁴ Мохова Г. А. Указ. соч., с. 66—67.

⁵ Карцов В. Г. Указ. соч., с. 169; Быконя Г. Ф. О книге В. Г. Карцова. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.). Абакан, 1970 — В сб.: Из истории Сибири, вып. 6. Красноярск, 1973, с. 81—91.

⁶ Козьмин Н. Н. Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края. Красноярск, 1918, с. 47.

⁷ Их еще называли «тощий народ», «короткие руки».

⁸ Минусинский филиал государственного архива Красноярского края (МФ ГАКК), ф. 71, оп. 3, д. 62, л. 50. Эти же данные для двух ведомств — Абаканского и Аскизского приводятся у Н. Н. Козьмина. Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края, с. 26.

⁹ МФ ГАКК, ф. 71, оп. 3, д. 62, л. 50.

¹⁰ Козьмин Н. Н. Указ. соч., с. 20. ХакНИИЯЛИ. Рукоп. фонд, № 498, л. 8.

¹¹ МФ ГАКК, ф. 71, оп. 3, д. 62, л. 50.

¹² ХакНИИЯЛИ. Рукоп. фонд, № 498, л. 154, 157.

¹³ Сообщение Кызласова Адай, 1895 г. рождения, сагаец, аал Кызласов.

¹⁴ Поталов Л. П. Указ. соч., с. 163.

¹⁵ Сообщение Толстухина Харатая, 1895 г. рождения, качпнец, аал Кандалов; Балганова Паях, 1897 г. рождения, качник, аал Чарков.

¹⁶ МФ ГАКК, ф. 71, оп. 3, д. 62, л. 50.

¹⁷ ХакНИИЯЛИ. Рукоп. фонд, № 711; Сообщение Чаптыкова Абдока, 1890 г. рождения, качинец, аал Азыраков.

¹⁸ Государственный архив Хакасской автономной области, ф. и-2, оп. 1, д. 1357, л. 2.

¹⁹ Козьмин Н. Н. Указ. соч., с. 26; МФ ГАКК, ф. 71, оп. 3, д. 62, л. 50; Шейнфельд М. Б. Материалы статистико-экономического обследования хакасских хозяйств 1909—1910 гг. — Ученые записки Красноярского пед. ин-та, т. 13. Серия ист. — фил., вып. 2, Красноярск, 1958, с. 39.

²⁰ Гринберг Ц. В. Налоговая политика царизма в Хакасии в XIX веке. Томск, 1952, с. 13. (Автореф. канд. дисс.).

²¹ Сообщение Сафьянова Сырах, 1895 г. рождения, качинец, аал Шалгинов.

²² «Саан» буквально обозначает «дойный скот». В книге Л. П. Поталова эта форма называется «саап! с» — «подойв пей» (См. Поталов Л. П. Указ. соч., с. 162).

²³ Сообщение Алахтаева Тайдан, 1901 г. рождения, койбал, аал Алахтаев.

²⁴ Патачаков К. М. Классовое расслоение в хакасском улусе. — Ученые записки ХакНИИЯЛИ, вып. 19, Абакан, 1974, с. 112.

²⁵ Сообщение Тюкпеева Оск!, 1892 г. рождения, сагаец, с. Усть-Есь.

²⁶ Сообщение Арчимеева Егора Николаевича, 1893 г. рождения, сагаец, аал Книдырла; Тюкпеева Оск!; Кулагашевой Обдо; Ултургашева Субаев, 1900 г. рождения, сагаец, аал Имек.

²⁷ Сообщение Кулагашевой Обдо; Сафьянова Сырых; Угдыжекова Егора, 1887 г. рождения, сагаец, аал В. Аскиз; Аргудева Ивана Семеновича, 1901 г. рождения, кызылец с. Чебаки; Карачакова Ошара, 1886 г. рождения, сагаец, аал Шалгинов; Арчимашева Е. Н.

²⁸ Сообщение Кучендаева Асапа, 1905 г. рождения, сагаец.

²⁹ ХакНИИЯЛИ. Рук. фонд, № 498, л. 152.

³⁰ Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края. — Живая старина, вып. 3—4. СПб., 1895, с. 312.

³¹ МФ ГАКК, ф. 71, оп. 3, д. 62, л. 49—50. Козьмин Н. Н. Указ. соч., с. 26.

³² Богданова М. Путевые записки В. И. Якушкина о его поездке по Ачинскому и Минусинскому округам в 1854 году. — Абакан (литературно-художественный альманах), вып. 10. Абакан, 1958, с. 193.

³³ Каратанов И. И. Описание быта инородцев, обитающих по Абаканским степям Минусинского округа Енисейской губернии. — Архив Географического общества СССР, разряд 64, оп. 1, д. 27, л. 102.

³⁴ Это слово сохранилось только в сагайском диалекте. По-видимому, оно тождественно термину «хаста» в кызыльском диалекте, где последний обозначает «ясак, подать пушными зверями». (Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899). Судя по смыслу термина, можно думать, что хакасы раньше платили шаманам специальную подать, как, например, это было у шорцев. В Кузнецкой черни шаманы состояли «на жаловании от окружающих их жителей: с весны до осени 1 руб. 50 коп. и 5 белок, и с осени до весны — тоже». (Вербичский В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий. Казань, 1884).

³⁵ Сообщение Балгановой Паях; Кулагашевой Обдо; Абдиной Тайры, 1901 г. рождения, качинка, аал Сапогов; Ярилов А. А. Материалы по исследованию хозяйства хакасов. — ХакНИИЯЛИ. Рук. фонд № 713. Бюджет П. Кичеева.

³⁶ Гладышевский А. Н. Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность. М., 1954, с. 256 (рукопись канд. дисс.).

³⁷ Асочаков В. А. Формирование советской интеллигенции в Хакасии (1917—1937 гг.). — В кн.: Историческая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972.

Г. А. Кернеева (Красноярск)

РАЗРАБОТКА ЗАКОНА О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ 23 МАЯ 1896 г. и ВОПРОС О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИБИРИ

С переселенческой политикой самодержавия было тесно связано землеустройство крестьян и коренного населения Сибири. Еще 13 июня 1893 г. были утверждены Временные правила о землеустройстве переселенцев в полосе Сибирской железной дороги. По этим правилам земля (в размере 15 дес. удобной земли на душу муж. поля) отводилась в «постоян-